

Окна заволокло густым туманом, а после отбоя всё здание погрузилось в непроглядную тьму.

Ши Юйчуань потратил добрых полчаса на объяснения, зачем ему вообще нужно имитировать человеческое дыхание, и лишь тогда Бай Янь нехотя опустил клинок.

— Тебе придётся уйти до полуночи.

Бросив эту фразу, юноша уселся в углу комнаты, скрестив ноги и прижав к себе длинный нож. Он прикрыл глаза, погружаясь в полузабытие.

Ши Юйчуань устроился на относительно мягкой кровати. Глядя на то, как Бай Янь сидит в углу прямо на голом цементе, а сквозь его одежду всё ещё сочится кровь, он невольно почувствовал себя наглым захватчиком, отобравшим у раненого последнее спальное место.

Достав из кармана заживляющую мазь, Юйчуань бросил её. Флакон описал в воздухе ровную дугу и приземлился точно в ладони Бай Яня.

— Как и договаривались, — пояснил он.

К тому же за помощь людям здесь начисляли очки обмена — упускать такую выгоду не хотелось.

Понимая, что от этого угрюмого и неразговорчивого парня вряд ли удастся добиться ценных сведений, Ши Юйчуань принялся осматривать комнату. Обстановка здесь была куда беднее, чем в палатах на третьем этаже. Это место вообще мало походило на больницу — скорее на тюремную камеру. Из мебели — лишь самая простая кровать, да и окно было гораздо меньше тех, что наверху.

Он подошёл к окну, отодвинул раму и подёргал решётку. На удивление прочная. Если вспомнить ещё и тяжёлую железную дверь, сходство с тюрьмой становилось абсолютным. Для полной картины не хватало только кандалов.

После визита двух причудливых тварей ничего странного больше не происходило. Прислонившись к стене, Ши Юйчуань разглядывал старую пожелтевшую штукатурку. Наконец он не выдержал, отколупнул пальцем кусочек побелки и принялся задумчиво вертеть его в руках.

Бай Янь в своём углу гипнотизировал взглядом флакон с мазью. Поколебавшись, он сунул его в карман, но потом, словно передумав, поднялся, подошёл к кровати и аккуратно спрятал лекарство под подушку.

— Не знаю, кто ты... или что ты такое, — негромко пробормотал он, — но всё равно спасибо.

Ши Юйчуань, не отрываясь от стены, махнул рукой:

— Без первой половины фразы прозвучало бы куда лучше. Слушай, поди сюда, глянь на эту стену... Хм?

Договорить он не успел: Бай Янь молча развернулся и выскользнул за дверь. Когда Юйчуань выбежал в коридор, юноши уже и след простыл. Воздух в проходе дышал тяжёлой гнилостной вонью — ходячие мертвецы бродили где-то поблизости.

Немного поколебавшись, Ши Юйчуань взъерошил волосы и вернулся в палату 113. Логика этого парня не поддавалась объяснению: сначала так упорно выгонял гостя до полуночи, а в итоге сам ушёл в опасную темноту.

У ворот санатория, окутанный ночной мглой, стоял Бай Янь. Полчища уродливых пепельных зверей волна за волной бросались на него, но лишь находили смерть под безжалостными взмахами его клинка, осыпаясь на землю грудой разрубленной плоти.

Увидь эту картину другие игроки, они бы обомлели от ужаса и недоумения: как вообще живому человеку удалось выйти за пределы безопасной зоны после того, как локация закрылась на ночь?

Но вот раздался глухой полуночный звон. Натиск прекратился. Пепельные звери больше не лезли напролом, как безумные самоубийцы. Напротив, объятые первородным ужасом, твари бросились врассыпную. Те же, кто не успел скрыться в тумане, в страхе припали к земле, мелко дрожа всем телом.

Чёрная грязная кровь начала медленно исчезать с его одежды и кожи. Облик Бай Яня стремительно менялся, стирая всякое сходство с тем человеком, которым он был при свете дня. Прежде тёмные зрачки налились багровым сиянием, а от самой фигуры стало исходить холодное, почти божественное величие. Мощный прилив первозданной силы наполнил каждую клетку его тела, даруя ощущение абсолютного перерождения.

В последние мгновения перед тем, как окончательно угаснуть, сознание человеческого «я» Бай Яня захлестнула волна глухого раздражения. Уступать контроль над собственным телом другому воплощению — удовольствие сомнительное.

Из ночной тьмы безмолвно вырос ослепительно белый трон. Однако стоило юноше опуститься на него, как благородный мрамор мгновенно почернел, словно осквернённый самим воплощением порока.

Закидывая ногу на ногу и переплетая пальцы у подбородка, Кошмар хищно сощурился. Губы

его растянулись в безумной усмешке.

— Надо же, всё ещё жив...

Он тихо хмыкнул и добавил:

— И зачем так цепляться за это жалкое существование? Разве смерть — не истинное блаженство?

С этими словами он зашёлся хриплым, раскатистым хохотом. В воздухе перед ним соткался призрачный прямоугольный экран, транслирующий происходящее на втором этаже главного корпуса.

Там три полуразложившихся мертвеца медленно тащили по коридору свежие ошмётки человеческих тел. Багровая юшка размазывалась по полу широкими полосами. По лохмотьям одежды на оторванной руке нетрудно было догадаться, что останки принадлежали несчастному фотографу из палаты 210.

— Ха-ха-ха! Какая восхитительная неожиданность! — Смех Кошмара исказил его красивое лицо жуткой гримасой. Отсмеявшись, он продолжил бормотать себе под нос: — А ведь первым должен был умереть ты. Давай-ка поглядим, как тебе удалось выскользнуть...

В его алых глазах с безумной скоростью замелькали кадры прошедшего дня.

Наконец он раскрыл ладонь, и на ней из ниоткуда соткался тот самый флакон с мазью. Безумный оскал на лице Кошмара сменился искренним недоумением.

— Сострадание? Неужели кто-то способен проявить искреннюю заботу о проклятом?

Он прижал холодную бледную склянку к груди, и на его лице проступило выражение, граничащее с благоговейным восторгом.

— Что ж... теперь его жизнь принадлежит мне.

Ранним утром тишину больничных стен разорвал истошный вопль. Услышав крик, доносившийся сверху, Ши Юйчуань без лишних раздумий бросился к лестничному пролёту.

На площадке второго этажа он наткнулся на санитаров. Те лениво возили швабрами, пытаясь смыть с линолеума густые бурые разводы запёкшейся крови. Дверь палаты 210 была

распахнута настежь. Изнутри вышли несколько медсестёр, унося в охапках пропитанное багровыми пятнами постельное бельё. Задержавшись на секунду, Юйчуань молча двинулся дальше.

Выжившие игроки в основном ютились на третьем и четвёртом этажах. В этот момент из душевой с диким визгом вылетела Ван Линлин. Сжимая в кулаке клок собственных волос, она в ужасе уставилась на свои ладони.

— Я лысею?! Мне же всего двадцать два! Откуда плешь?!

Её парень, Чжан Лунь, застыл рядом, заворожённо и с растущим отвращением глядя на затылок возлюбленной.

— Линлин... у тебя там... глаза.

Сквозь поредевшие пряди на затылке девушки отчётливо проглядывали четыре чужеродных века. Глазные яблоки под ними пока оставались закрытыми, но уже едва заметно подёргивались.

Когда Ши Юйчуань поднялся на четвёртый этаж, все игроки уже собрались в коридоре. Лица у всех были мрачнее тучи.

Мутация началась.

Всего за одну ночь тела участников подверглись жутким метаморфозам.

Из спины Син Цзя проклюнулись острые костяные шипы, разорвав ткань одежды. Изувеченная нога Юй Юньхуаня полностью затянута, но теперь голень покрывал уродливый белый панцирь, напоминающий хитиновый экзоскелет, а в пустой глазнице, пострадавшей накануне, тускло белел набалдашник растущей кости. У Хунмао же руки обзавелись лишними суставами — прямо посреди предплечий сформировались новые, неестественно гнущиеся сочленения.

Рубаха на спине Син Цзя превратилась в изодранные лохмотья, пропитанные подсохшей сукровицей. Судя по обилию тёмных корок, превращение далось ему нелегко. Впрочем, для бывалых игроков, не раз заглядывавших в бездну, подобные уродства были делом привычным. Заметив подошедшего Юйчуаня, Син Цзя криво усмехнулся:

— Ну а у тебя что отросло?

Ши Юйчуань спокойно пожал плечами:

— Сердце биться перестало.

— Да уж, тебе досталось больше всех, — Син Цзя сочувственно покачал головой. Сам он этой ночью корчился от адской боли добрых полчаса, пока кости пробивали кожу. Юйчуань же, судя по всему, и вовсе перенёс клиническую смерть — даже представить страшно, через какие муки ему пришлось пройти.

Фотограф из палаты 210 так и не появился, но расспрашивать о нём никто не стал — и без того всё было ясно. Новички выглядели краше в гроб кладут. У Фэн Хуа под глазами залегли чернильные тени; мужчина явно не сомкнул глаз ни на минуту.

«Вылечиться... Значит ли это, что мы должны пережить эти изменения?» — эта зловещая догадка одновременно пришла в голову каждому, кто помнил условия стартового задания.

Вскоре в коридоре показался санитар в плотной марлевой маске и хрипло объявил, что пора спускаться на завтрак. Наконец-то им встретился представитель персонала. Ши Юйчуань среагировал мгновенно — рванулся вперёд и перехватил мужчину за рукав.

— Скажите, как пройти на цокольный этаж?

Санитар медленно повернул к нему серое, безучастное лицо.

— В подвале только морг. Живым там делать нечего. Туда попадают только покойники.

Бросив это, он развернулся и зашагал прочь, тяжело топая по ступеням.

Игроки переглянулись и молча последовали за ним. Столовая располагалась в отдельном одноэтажном здании неподалёку от главного корпуса. Помещение было довольно просторным, рассчитанным примерно на сотню человек. Над входом покачивалась старая вывеска с облупившейся краской, на которой едва читалось унылое: «Столовая».

На засаленном стекле раздаточного окна красовалось меню: паровые булочки, рисовые рулеты, пампушки, соевый творог... Но за самой стойкой не было ни души, да и кастрюли стояли пустые. Вместо этого на длинном столе прямо посреди зала сиротливо исходили паром ровно десять подносов.

Меню выглядело на удивление изысканно: в глубоких фарфоровых пиалах дымилась ароматная рисовая каша с крупными королевскими креветками. Рядом лежали золотистые яичные рулеты, щедро политые кисло-сладким соусом, и миски с лапшой под сочным мясным фаршем, присыпанным свежим зелёным луком. В углу каждого подноса сиротливо ютилось варёное яйцо в багровой шелухе.

Сопровождавший их санитар растворился в тумане так же незаметно, как и появился. В воздухе завис густой, умопомрачительный аромат специй, заставляя желудки исходить голодным спазмом. Кэ Чжэнь и Хунмао, лишь мазнув взглядом по столу, даже не переступили

порог столовой и молча зашагали прочь. Уходя, Юй Юньхуань намеренно задел Ши Юйчуаня плечом.

— Думайте сами, стоит ли совать в рот местную стряпню, — лениво бросил Син Цзя. — Если проголодаетесь, у меня найдутся нормальные сухпайки. Могу даже в долг дать.

Предупредив новичков, он тоже покинул столовую.

Оставшиеся у стола новоприбывшие растерянно переглядывались.

В тишине зала отчётливо и призывно заурчало в чьем-то животе.

Студент с болтающимися на шее наушниками шумно сглотнул. Парень еле держался на ногах от истощения. Звали его И Су, он учился на втором курсе и до того, как очутиться в этом проклятом месте, увлечённо резался в приставку у себя в общежитии, напрочь забыв о еде. В общей сложности он голодал уже больше полутора суток. Желудок горел огнём, скручиваясь от спазмов и захлёбываясь едкой кислотой.

Не дождавшись реакции от попутчиков, И Су решительно шагнул к столу.

— Плевать, есть тут яд или нет. Если я сейчас не поем, то сдохну от голода раньше, чем меня сожрут монстры.

Его пример оказался заразительным. Остальные новички тут же потянулись следом.

— Я тоже проголодался...

— Была не была, поедим! Всё равно деваться некуда.

Сомнения были отброшены. Изголодавшиеся люди набросились на еду с животным рвением. А за общей трапезой, как известно, всегда проще начать разговор.

— Господи, да что за тварь ломилась ко мне ночью? Я чуть умом не тронулся!

— Чёрт её знает... Одно скажу точно: открывать эту дверь нельзя ни под каким видом.

— Я проснулся ни свет ни заря, — приглушённо пробормотал И Су, отправляя в рот очередную порцию лапши. — Заглянул в палату 210. Там всё залито кровью, а жильца и след простыл.

Проснувшись на рассвете от невыносимого голода, он не решился беспокоить ветеранов, а потому пошёл к фотографу, который казался самым адекватным из новичков. Но застал лишь

пустую, окровавленную комнату.

Договорив, И Су снова уткнулся в тарелку. За столом воцарилось тяжёлое молчание. Аппетит у многих разом пропал.

Ши Юйчуань, которому еда была без надобности, сидел в стороне, сославшись на отсутствие аппетита. Он лениво помешивал кашу белой фарфоровой ложкой, анализируя услышанное.

Из их обрывочных реплик складывалась ясная картина: ночные гости скреблись во все двери без исключения, однако мертвецы почему-то проигнорировали верхние этажи. Тот несчастный из палаты 210, скорее всего, мёртв. Вопрос лишь в том, кто именно приложил к этому руку.

Пока он размышлял, к его стулу нерешительно подошёл И Су. Щёки парня заметно порозовели от смущения.

— Слушай... Если ты не голоден, можно мне твою порцию?

Оказалось, что пока остальные вяло ковырялись в тарелках, парень успел подчистить почти все подносы.

Низкорослый лысеющий мужчина по имени Фэн Хуа, обладатель на редкость пронырливого вида, так и ахнул, растопырив пятерню:

— Парень, да в тебя сколько лезет?! Ты ж уже шесть порций смолотил!

Ван Линлин, намотавшая на облысевший затылок полотенце, к еде даже не прикоснулась — её порцию забрал Чжан Лунь. Сам Фэн Хуа лишь брезгливо ковырнул кашу и отодвинул тарелку. В итоге все несъеденные остатки, включая чужие порции, бесследно исчезли в бездонном желудке И Су.

Ши Юйчуань молча забрал с подноса варёное яйцо и пододвинул тарелку студенту.

Внешне мутация И Су казалась самой безобидной — у него всего лишь отросла вторая пара ушей прямо на скулах. Однако то, с какой животной жадностью парень поглощал горы еды, и то, как неестественно вздулся его плотный живот, заставило Ши Юйчуаня насторожиться. Здесь явно было что-то не так.

<http://bllate.org/book/19751/2007387>